

Забашта Р.В. «КАРТИНА МИРА» КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УНИВЕРСУМЕ

Современная наука о языке стремится подробным образом описать «картину мира» как некоторую совокупность информации о мире, полученную в результате человеческого познания, так называемое «вторичное» существование объективной реальности. Об этом феномене в отечественном языкознании заложены фундаментальные теоретические основы по идеографии (труды Ю.Н.Караулова, В.В.Морковкина, В.Г.Гака, Ю.С.Степанова, Е.М.Степановой, В.А.Масловой, Ж.П.Соколовской, Э.В.Кузнецовой, Ю.А.Сафьяна, С.А.Васильева, А.Н.Рудякова и др.). И, несмотря на то что «картину мира» обычно понимают как «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц» [3, с. 36], каждое конкретное направление в науке обнаруживает различное наполнение термина в связи с определенной методологической задачей. Именно этим обстоятельством объясняется необходимость определения «картины мира» с функциональных позиций в аспекте создания идеографического словаря русского языка.

Цель статьи – определить сущность феномена «картины мира» с точки зрения лингвистического функционализма. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: а) рассмотреть структуру функциональной лингвистической модели «картины мира»; б) обосновать уровневое видение естественного языка; в) раскрыть терминологическое значение показателей функциональной лингвистической модели «картины мира» (логико-понятийный, тематический и временной) как самых общих параметров, характеризующих модель; г) рассмотреть соотношение понятийного и «собственно лингвистического» в языке в аспекте пояснения сущности терминов «языковая модель мира» (ЯММ) и «концептуальная модель мира» (КММ); д) сравнить дофункциональное и функциональное видения лексической системы языка в аспекте создания русского активного словаря (по типу - идеографического).

Функциональный подход к языку оперирует положением о триединстве семантики (семантика слова – семантика лексических групп – семантика словаря); подобное положение есть констатация диалектического принципа «элемент – часть – целое», базирующегося на аксиоме логики. Говоря о «картине мира» как совокупности интегрированного человеческим сознанием знания/опыта, следует подчеркнуть тот факт, что основной проблемой становится способ научного описания, фиксации этой совокупности. В работах А.Н.Рудякова нашла свою реализацию концепция определения «картины мира» как способа представления идеальной (понятийной) совокупности экстралингвистической информации, воплощенной в языке в форме всесловарной иерархии семантических компонентов (сем), на основе дифференциального принципа которой существуют ценностно упорядоченные языковые понятия – семантемы. Этот собственно лингвистический, максимум «семантический» способ представления всеобщего знания/опыта позволяет взглянуть на объект исследования как на системное целое, организующим которое является идеальная система. Семантика словаря – раздел функциональной семантики, представляющий метасистемный подход в изучении Словаря естественного языка (т.е. макета лексической системы, отражающего семантические отношения; лексикона, точнее: всеобщего означаемого). Целью семантики словаря является конструирование метасистемы организации средств номинации, которая отражает смысловые отношения в функционально-семантической системе. Практической же целью этой отрасли знания является создание активного идеографического словаря, реализующего формулу «от языковых понятий к средствам их выражения» [7].

Нетождественность понятий «картина мира» и лингвистическая модель «картины мира» причинно обусловлена: они соотносятся как совокупность знаний и лингвистический способ представления этой совокупности знаний, т.е. всесловарной иерархии сем как структуры Словаря и различных дедуктивных схем как вспомогательных смыслоразличительных моделей, при помощи которых может быть задана сама модель.

Известная проблема о соотношении в естественном языке логико-понятийного и «собственно лингвистического» (или лучше – «привнесенного») в науку о языке и «природного» лингвистического) имеет долгую историю. Попытки объяснить сущности этих двух явлений находим в работах С.А.Васильева: «Значение собственно и превращает систему символов в языковую систему. Поэтому естественно считать, что значение как свойство языка, а следовательно, и те компоненты, на которые мы можем его разложить, имеют языковую природу. В зависимости от функции, которую они выполняют в познании, эти компоненты выступают либо как понятия, либо как абстрактные объекты, из которых строится научная картина мира» [2, с. 47–48]; у Г.А.Брутяна: «Сердцевиной КММ является информация, данная в понятиях, главное же в ЯММ – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» [1, с. 109]; у Ю.Н.Караулова: «...сопоставление результатов чисто лингвистического анализа значений слов с их логико-философским понятийным содержанием показывает в ряде случаев почти буквальное совпадение того и другого...» [4, с. 272] и у др.

Вопрос о соотношении лексического значения как «собственно языковой» данности и понятия как логико-философской категории напрямую связан с вопросами о соотношении КММ с ЯММ и об уровнях существования языковых единиц: индивидуального (уровень реализации), типичного (уровень языковой нормы), всеобщего (уровень языковой абстракции, или лингвистического анализа).

Долгая невозможность определения соотношения «понятие – значение» обусловлена методологией традиционной лексикологии, в частности, безотносительной уверенностью в том, что не существует иного

способа (а точнее – более правильного и системного), кроме способа семантизации при описании единицы Словаря – лексемы. С точки зрения функционализма, единица функционально-семантической системы – семантема, т.е. языковое понятие, принадлежность уровня лингвистического анализа. Система семантем – та идеальная система, которая хранит всеобщее знание/опыт языкового коллектива об Универсуме и является организующей в процессе порождения мысли. До сегодняшнего дня науке неизвестна иная форма описания (т.е. практической фиксации) идеальных единиц, нежели описание при помощи семантических компонентов (ценностно стратифицированной иерархии сем как собственно лингвистического способа презентации понятийного содержания). В этом смысле в функциональной парадигме понятия КММ и ЯММ, по сути, одно и то же (это единая лингвистическая модель идеального знания/опыта – модель «картины мира»), поскольку, вспоминая слова А.Вежбицкой о том, что «язык отражает мир только косвенным образом, он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира» [7, с. 148], язык есть форма мышления. Трудно не согласиться с мыслью о том, что единственно возможной концептуализацией мира является концептуализация, выраженная вербально, ибо Homo sapiens мыслит только при помощи естественного языка. Иными словами, чтобы описать концептуализацию, нужно представить смысловой континуум наиболее экономным и эффективным презентующим идеальную систему способом, металингвистическая особенность которого позволит вскрыть структуру языковых понятий для формирования фрагментов идеографического словаря (семантических полей). Именно таким образом представляется возможным интегрировать «склад» семантически неупорядоченных слов в толковых алфавитных словарях в системно организованные фрагменты всеобщего означаемого, существование которых обусловлено необходимостью речевой деятельности языковой личности, использующей язык как средство максимально эффективного достижения своих целей (регулятивность/антропоцентричность).

Проблема «знакового» языкознания заключалась в том, что оно не разграничивало различных форм бытия одной и той же языковой реалии, между тем данное неведение и привело к многочисленным попыткам каким-то образом объяснить различие между КММ и ЯММ, найти те отличительные признаки, которые бы характеризовали их, но, безусловно, трудно давать чему-либо характеристику, не уяснив сути феномена; уровня всеобщего не существовало, именно по этой причине не могло идти и речи о языковом понятии, которое в функциональной семантике представляется в форме семантемы, описанной при помощи иерархии идентификации на уровне нормы. «Уровневое видение языка способно расширить границы той области, которую в субстанциональной лингвистике принято было именовать термином «собственно языковые» явления... Иерархия сем не является чем-то внеязыковым, внешним по отношению к языку: представляя собой опыт, накопленный человеком в ходе очеловечивания Универсума, она существует именно на уровне языковой абстракции в языковом, лингвистическом, когнитивном «зазачье» [7, с. 94]. Мысль эта в известной степени перекликается с концепцией философской модели реальности монадного типа, наличествуя *метауровень* описания языка и акцентируя всепроникающую зависимость, при которой каждая составная часть фрагмента Словаря «обладает некоторыми признаками мира в целом» [5, с. 153]. Последнее реализуется в модели «картины мира» в качестве иерархии смыслов как способа взаимообусловленных дифференциального и интегрального принципов членения смыслового континуума.

Если отечественная традиция смотрела на лексическое значение как на содержательную сторону единицы системы - лексемы, то функционализм воспринимает лексическое значение (в том виде, в каком оно представлено практически во всех наших толковых словарях) как плод попытки составителей лексикографических произведений при помощи семантизации «наметить путь к системе». Собственно значение семантемы на уровне типов – часть строения (не структуры!) лексической группы. Это значение определяется при помощи иерархии идентификации, когда лингвистическое познание, восстановив редуцированную семантизацией системную структуру фрагментов Словаря, существующую на уровне языковой абстракции, возвращается в «мир знаков» с тем чтобы описать строение при помощи «системного знания» с учетом метаструктуры, но не отслового «речепотребления» (на уровне нормы семантема реализуется в то значение, в котором может и должна быть описана в позиции интерпретации).

Такое понимание «картины мира», без сомнения, закономерно приводит к мысли о том, что структура данной модели является элементной структурой Словаря естественного языка, существующей на уровне языковой абстракции. Это некий всепронизывающий «скелет» смысловой организации языка. Строение же лексических групп (не структура!) суть бытия фрагмента Словаря на уровне нормы. Важно понимать, что, желая проникнуть в сферу системного строения фрагментов Словаря, сначала нужно постичь его структуру и на этой основе выделить его фрагменты (семантические поля). Иными словами, прибегнув за помощью к аналогии, скажем, что лесник, например, не знающий своих лесных владений, вряд ли сможет дать подробное картографирование закрепленной за ним местности с описанием каждого дерева... ни разу не побывав в лесу (!), поскольку, чтобы задать модель целого, следует познать системную структуру совокупности элементов, формирующих функциональные части целого.

Процедура идеографического конструирования путем классификации всеобщего означаемого при помощи синоптической схемы – распространенное явление в практике мировой лексикографии. При этом особенно важным представляется говорить о неоправданном смешении двух базисных понятий идеографии – дедуктивной схемы и собственно «картины мира». Поскольку дедуктивная схема – лишь иллюстрация самых общих содержательных закономерностей системы языковых единиц, призванная помочь при идеографическом описании лексикона. Стремление подменить «картину мира» структурой словаря наблюдается у многих зарубежных авторов (Х.Касарес, В. фон Вартбург, Р.Халлиг, Ф.Дорнзайф, Э.Блан и др.). Однако практикой доказан тот факт, что «лексика языка, взятая сама по себе, не дает еще предпосылок

для однозначной и непротиворечивой ее классификации» [4, с. 251], что говорит о необходимости выбора наиболее эффективной методологии в процессе ее описания.

Несостоятельность пробных синоптических схем объясняется следующим обстоятельством: подавляющее большинство авторских классификаций понятийного содержания лексики создавались преимущественно по принципу тематической рубрикации всего языкового содержания (т.е. способа репрезентации смыслового континуума лишь при помощи отнесенности той или иной лексической единицы к определенной теме – предмету мысли, передающему какую-либо сферу Универсума в форме многообразия явлений). В этом смысле синоптические схемы были тематическими. С одной стороны, они эффективно вскрывали принадлежность реалии к определенной сфере, с другой стороны, только тематический принцип оказался несостоятельным в процессе семантического описания языковой упорядоченности фрагментов Словаря и собственно внутренней смысловой структуры, продемонстрировавший, например, невозможность создания непротиворечивой взаимосвязанной логической упорядоченности семантических компонентов и т.п.

Не учитывалось, что в дополнение к тематическому принципу описания лексики существует собственно логико-понятийный принцип (или предметно-понятийный). Он основан на принципах диалектики – «философском учении о всеобщих связях, о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления; научном методе изучения природы и общества в их развитии путём вскрытия внутренних противоречий и борьбы противоположностей» [10]. Такой подход, по мнению Ж.П.Соколовской, способен наиболее точно определить структуру Словаря: «Если естественный человеческий язык является одним из средств выражения результата познания человеком объективного мира, то очевидно, что какой-либо из уже имеющихся в философской науке вариантов системы категорий познания может быть принят в качестве самой общей схемы совокупности значений слов в данном языке в данный период его развития» [9, с. 9]. Логико-понятийный принцип описания лексики с направляющим антропоцентристским видением мира способен вскрыть те содержательные закономерности языка, недоступные «внешнему» тематическому. В качестве примера можно привести некоторые языковые единицы, принадлежащие лексической группе «часть»: этот фрагмент Словаря включает такие семемы, как *атом(0)*, *база(1)*, *балкон(1,2)*, *стена(1)*, *щелка(1,2)*, *рукав(1,2)*, *банка2(0)*, *башня(2)*, *артиллерия(2)* и др.¹ Достоверно известно, что инвариантом смысла для данной лексической группы является интегральное значение «часть», но при создании идеографической статьи в лексикографическом произведении представляется очень сложным поиск той темы, отдельный вариант которой должен в ней реализоваться. Таким образом, идет дальнейшая дифференциация или уточнение сем на основе уже тематической классификации (*стена(1)* – ‘часть сооружения’, *щелка(1)* – ‘часть лица’, *артиллерия(2)* – ‘часть войска’ и т.п.). Было бы, по меньшей мере, неоправданным с позиций семантики образование тематических полей СООРУЖЕНИЕ, ЛИЦО КАК ЧАСТЬ ТЕЛА и ВОЙСКА соответственно, не имея в виду логико-понятийной организации структуры семантем (инварианта смысла «часть»), а значит и собственно диалектического устройства метаструктуры.

Наконец, невозможно не учитывать историю развития того или иного фрагмента «картины мира». В этом смысле предлагаемая лингвистическая модель «картины мира» имеет большое значение для истории человеческих знаний вообще. Так, «если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растет одна тема и «сжимается» другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множества других [...] интереснейших фактов» [6, с. 10]. Временной показатель модели – средство уточнения этапа развития языка и человеческого опыта в целом, поскольку для того, чтобы оценить эволюцию знаний языкового коллектива, нужно сопоставить проанализированные отдельные участки смыслового континуума, т.е. дискретной протяженности семантического пространства по стреле времени.²

Таким образом, лингвистическая модель «картины мира» понимается как способ представления всеобщего знания/опыта конкретного языкового коллектива, как единство статических (взаимодополняющих логико-понятийного и тематического с направляющим антропоцентрическим видением мира) и динамического (временного) показателей, воплощающих всесловарную иерархию сем. Подобная модель представляется стереометричной. Недаром академик В.В.Виноградов говорил о том, что моделирование смысловых отношений несводимо лишь к иллюстрации этих отношений на плоскости, более того, исследуемая нами подсистема языка представляется в таком понимании как модель планетарного типа.

В заключении позволим себе вспомнить интересную аналогию Ю.Н.Караулова: идеографическое моделирование похоже на игру в «15», где, не выходя из плоскости квадрата, необходимо упорядочить 15 пронумерованных квадратных ячеек. Для нас плоскость квадрата – система языка, а всевозможные «перемещения» – попытки смысловой классификации единиц языка. Данные математиков показали, что существуют некоторые начальные позиции случайным образом перемешанных фишек, которые не имеют алгоритма решения, то есть налицо разрыв между природной заданностью и функциональной предназначенностью игры. В этом случае игра перестает быть игрой. Язык же, напротив, активно функционирует, совершенствуется. Это позволяет говорить о возможности моделирования содержательных закономерностей системы. Поэтому идеографическое описание, ориентированное на понятийный каркас идеальной сферы

¹ После слова-знака указан номер омонима, в скобках указан номер лексико-семантического варианта [10].

² Представляется также важным указание этнолингвистической характеристики при моделировании эволюции «картины мира» определенного естественного языка, что является уже описанием экстралингвистическим.

человеческого знания/опыта (лингвистическая модель «картины мира»), - важный и необходимый шаг в построении функциональной модели естественного языка.

Выводы:

1. При функциональном подходе (работы А.Н.Рудякова) термин «картина мира» понимается как совокупность представлений человеческого коллектива об Универсуме, лингвистическая модель «картины мира» понимается как способ представления всеобщего знания/опыта конкретного языкового коллектива в форме всесловарной иерархии сем, образующей фрагменты Словаря в форме ценностно упорядоченных языковых понятий – семантем, метаязыковая структура которых есть основа идеографического описания лексики;
2. Функциональная лингвистическая модель «картины мира» может быть задана при помощи статических (взаимодополняющих логико-понятийного и тематического с направляющим антропоцентристским видением мира) и динамичного (временного) показателей, воплощающих самую общую основу модели;
3. Существует единая лингвистическая модель «картины мира» (КММ=ЯММ) как элементная структура Словаря естественного языка, возможная только при уровне рассмотрении языковых реалий.
4. В отличие от дофункционального видения, новый подход к изучению языка привел к осознанию возможности зафиксировать, т.е. описать языковое понятие (семантему), что значительным образом повышает эффективность системного изучения языка и закладывает теоретическую основу для дальнейших разработок в области идеографии и прикладных наук.

Источники и литература

1. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ, филос. Науки. – №1. – 1973.
2. Васильев С.А. Язык, значение и картина мира. – Изв. АН Каз.ССР, серия обществ. Наук. – №4. – 1972.
3. Гак В.Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. Вып. 1 / Отв. ред. Л.П.Крысин. – М.: Азбуковник, 2000.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
5. Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Философия. – Симферополь: Сонат, 1999.
6. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1970.
7. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия Плюс, 1998.
8. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004.
9. Соколовская Ж.П. Исследования по лексической семантике. – Ялта: Крымучпедгиз. Кн. 4. «Картина мира», системность, моделирование и лексическая семантика, 1999.
10. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003.

Николко В.Н.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЛОГИКА В ПРОЕКТЕ ДЕПСИХИЗАЦИИ ЛОГИКИ

Процесс депсихизации логики, о котором заявлено в [1], позволяет отстраниться от логики XX века (символической логики, или логистики), увидеть ее в качестве отдельного явления в русле общемирового логического потока. В этом – смысл предлагаемой статьи.

Думается, авторам символической логики не понравились бы оценки, которые будут высказаны мной по существу ими содеянного. Им казалось: логика долгое время будет развиваться в русле тех идей, на фундаменте которых заложено мощное здание логики XX века. Они полагали, что все в логике вкладывается в исчисление предикатов, подобно тому как традиционная логика встраивается в качестве придатка символической. На случайно символическая логика объявлялась ими вершиной, а история логики переписана в соответствии с новой вершиной: «В виду этого я хотел бы подчеркнуть, что трактую логистику как автономную науку, которая воплощает в себе современную формальную логику и не считаю для себя возможным признать кроме логистики какое-либо логическое «направление», которое бы могло считаться научной логикой. Исторически, и на этом я хотел бы проставить особый акцент, современная логистика является высшей стадией развития формальной логики античности...» – пишет по указанному поводу Я. Лукасевич [2, с. 202].

Но, перефразируя Гегеля, скажем – ноги тех, которые вынесут и нас из нами же созданного рая, стоят уже на пороге... Субъективный характер логистики обрекает ее на обобщение: она, как и гносеология, является следствием онтологии. Такова природная закономерность окружающего нас мира.

Ян Лукасевич, говоря о своеобразии символической логики (логистики) отмечал внемыслительный, графический характер ее элементов: «Современная логистика имеет номиналистический облик. Она говорит не о понятиях и суждениях, но об именах и предложениях, а имена и предложения в действительности трактует не как *flatus vocis* (колебания голоса – В.Н.), но как надписи определенной формы, поскольку ру-